

ЗАПОВЕДНИКИ ВСЕХ СТРАН, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ !

ЗАПОВЕДНИЧЬИЙ ВЕЩНИК

МАРТ-
АПРЕЛЬ
№ 3-4
(48-49)
1999 год

Газета для работников заповедников и национальных парков

ЗАПОВЕДНАЯ ТУРКМЕНИЯ 80-х

(воспоминания научного сотрудника
Амударьинского заповедника)

Что это было? Грандиозный эксперимент по трансплантации “русской” экологической культуры в азиатском регионе? Заведомо обречённая на неуспех затея – чужеродные “ткани” и органы, как известно, отторгаются. Но применимы ли биологические постулаты в сфере социальных технологий? Об этом трудно судить...

Чем привлекла, заманила, приворожила нас, выпускников Казанского университета, феодалная Туркмения, Амударьинская пустынная земля с её отравленной коллекторными водами рекой, хлопковым рабством, землетрясениями, тесной коммуналкой без удобств и даже без крыши, цензурой корреспонденции, длинным перечнем инфекций вроде гепатита, тифа, малярии, лейшманиоза? Разумеется, что не только экзотическими барханами, фантастическими саксаулами, тугаями-джунглями, гиенами, бухарскими оленями, шакалами, фа-

занами, майнами, варанами, эфами, каракуртами, скорпионами и прочими непременными атрибутами пустынной азиатской природы. Всего этого, пожалуй, было бы маловато для того, чтобы с риском для своего здоровья и жизни своих детей покинуть близкие сердцу российские просторы.

Были особые обстоятельства, чудесное стечение которых, на мой взгляд, и породило феномен туркменского эксперимента.

Со второй половины 70-х годов заповедное дело Туркменистана заметно активизировалось. В 1976 году образован Копетдагский заповедник. В 1978г. Репетекский заповедник получает статус биосферного. Ещё через год появились сразу Кап-ланкырский и Сянт-Хасардагский заповедники. Причём Кап-ланкырскому была отведена беспрецедентная по туркменским меркам территория — 570 000 га! Наш Амударьинский и последний в этом ряду Кугитангский заповедники создавались уже в первые годы 80-х.

Стараниями известных выпускников Московского и Казанского вузов — флагманов движения студенческих дружин по охране природы, был создан плацдарм для широкомасштабного десанта “дружинников” и их единомышленников. В туркменском Минлесхозе, в ведении которого находились заповедники (кроме академических), были “свои люди”. Это были не просто таланты организаторского искусства, но прежде всего, носители лучезарной идеи — оригинальной заповедной утопии.

К тому времени в стране уже сложилась значительная “социальная база” в виде “ветеранов” студенческих дружин по охране природы — закалённых в боях с браконьерами, прошедших практику черновой и исследовательской работы в заповедниках молодых специалистов натуралистического профиля. Этому боевому братству было свойственно обострённое чувство справедливости. В первые послебрежневские годы, когда в стране рушились идеалы государствен-

ного коммунизма, людям дружинного священного союза как воздух нужны были общая стратегия жизни и единое пространство для её воплощения. Судьбе было угодно выбрать полигоном Туркмению.

Так случилось, что изначально в туркменских заповедниках формировались “чистые культуры”. В Капланкыре – свердловская, в Сюнт-Хасардаге – московская, в Амударьинском – казанская и так далее. Впоследствии началось разбавление, ибо стало ясно, что “монокультуры” чреваты вырождением.

Со своим уставом в чужой монастырь

В декабре 1985 года на проходившем во Львове Всесоюзном совещании по теоретическим основам заповедного дела представители Туркмении Михаил Бляхер и Вячеслав Тырлышкин провозгласили два основных направления научной деятельности заповедников:

- Слежение за состоянием экосистем региона – прикладные исследования с оценочными, прогнозными, контрольными задачами; бессрочные по характеру, но имеющие практическое значение в любой момент времени.

- Проектирование региональных мероприятий по сохранению и восстановлению экосистем – научно-технические разработки с задачами достижения практического эффекта в конкретный промежуток времени; оперативные по характеру, но с необходимостью основывающиеся на прогнозных оценках.

Суть теоретического основания стратегии развития системы заповедников Туркмении заключалась в принципиальном дополнении к традиционной формуле “каждому региону – заповедник” тезиса “каждому заповеднику – регион!”. Тем самым, заповедник – консервативный компонент пассивного поддержания природного баланса – должен был выйти за рамки своей собственной территории и трансформироваться в активный центр региональной социально-экологической политики. До тех пор, пока речь шла только о научно-исследовательской деятельности заповедников, эта идея мало волновала туркменские власти, хотя сами заповедники уже тогда воспринимались ими как чужеродные образования, мешающие вольготно жить на природной ниве, бесконтрольно черпать из природы её ресурсы. И вот в краю непуганых браконьеров появилась сила, претендующая на право устройства нового экологического миропорядка. Рвущихся в бой дружинников из числа сотрудников заповедников приходилось иногда сдерживать даже самим дружинникам, работавшим в Главприроде МЛХ ТССР. Тот же М. Бляхер наставлял: “Со своим уставом в чужой монастырь не ходят”. Это означало, что нужно идти в народ, слиться с ним и только таким образом решать задачи заповедного строительства. Следовало приобщиться к

местной культуре, стать своими среди чужих. Далеко не у всех это получилось. Кто-то не мог пить много перегретой на солнце водки — её предлагали и упрашивали выпить в любом ауле, наливая как чай в пиалы. Очень обижались, когда кто-то из урусов отказывался. Разговор не клеился, природоохранительная цель не достигалась. Успех заповедного дела явно зависел от количества выпитого совместно спиртного. Непьющий сотрудник заповедника грозил своей упрямой трезвостью погубить всю идею. Кто-то не выносил чаепития — не мог угощаться сладостями, покрытыми сплошным слоем ползающих мух. На фоне повсеместной бедности нас угнетала “праздность” туркменской жизни. Казалось, что вся жизнь местного населения, включая директора, главного лесничего и остальных местных работников заповедника — это непрерывная череда торжеств по поводу рождений, сва-

деб, каких-то годовщин. Празднования сменялись не менее частыми сборищами по поводу похорон родных, близких и знакомых людей. Эти мероприятия поглощали ресурсы заповедника — транспорт, рабочее время сотрудников. Для нас неучастие в этих мероприятиях грозило отчуждением и неприятием со стороны местных жителей. Мы сделали выбор в пользу неучастия. Ведь должен же был кто-то реально работать в заповеднике.

Со временем пришлось постичь горькую истину о том, что единственно легитимной формой территориальной охраны природы здесь могут быть лишь объекты религиозного поклонения — святые роци, деревья, камни и т.д. В умах простых местных жителей, живущих в убогих хижинах с земляными полами, понятие “государственный заповедник” отождествлялось не с надеждой на улучшение жизни, а с вотчиной для начальства, где хозяйственная деятельность не запрещалась, а лишь ограничивалась в корыстных интересах власть имущих и приближённых к ним людей. Все знали, что руководство заповедника и служба его охраны, формируемые из числа местных жителей, беспрепятственно пасли свой скот, заготавливали дрова, охотились, рыбачили, распахивали под бахчи землю, отдыхали на лоне заповедной природы. “Русские ученые” заповедника не могли с этим примириться и вели борьбу с полуофициальным воровством, ища поддержки во всех возможных и невозможных инстанциях. В итоге лично мне стало очевидным, что “русская заповедная идеология” не очень-то проецируется на лицемерие, возведённое в ранг национальной культуры.

Простые дехкане, гнущие спину на полях, ничего, кроме уважения и жалости не вызывали. Их искреннее гостеприимство поражает — они делят последнюю лепёшку с каждым гостем, предлагают ночлег любому незнакомцу, застигнутому ночью в пути. Обычные местные жители по-своему ис-

кренне сочувствовали заповеднику, часто оказывая помощь в пресечении нарушений или выявлении нарушителей заповедного режима. Но какие метаморфозы происходили с каждым из этих людей, когда им предоставлялась власть над другими! Например, Хамракулы, молодой бригадир хлопковой бригады, вчерашний рядовой хлопкороб и активный помощник заповедника, после повышения в должности, не задумываясь, вырубил в заповеднике участок тугайного леса, чтобы построить свой дом, ибо начальству несолидно жить в родительском доме. Таких примеров, увы, немало.

Хлопковое рабство

Дважды в году нас ждала тотальная мобилизация на борьбу за урожай хлопка. В апреле всех отряжали на прополку, в августе-октябре на сбор урожая этой главной среднеазиатской культуры. Хлопковые поля, незаконные и неуч-

тённые в земельном балансе, были обычным явлением. Они служили для создания мнимого благополучия в хлопководстве, позволяли маскировать картину действительного истощения и засоления земель. Фиктивная отчётность о высокой урожайности хлопка позволяла местному начальству получать премии и награды. Но такая политика требовала увеличения количества работающих на полях людей. Отсюда и сплошная принудительная мобилизация. С людьми не церемонились. Их, включая школьников и сотрудников заповедника, нередко возили на поля в битком набитых грузовых машинах. В антисанитарных условиях под палящим солнцем люди теряли своё здоровье. Хлопковые поля — это насыщенные опасными ядами (бутифосом, гексахлораном, тиоданом и т.д.) участки, опасные для находящихся на них людей, особенно детей. Однажды сотрудники Амударьинского заповедника и работавшие с ними на хлопковом поле местные жители подверглись авиационной обработке жидким дефолиантом. Люди с мокрыми от токсичного препарата спинами в панике покидали поле. Следствия по данному факту, разумеется, никто не проводил. Особенно жалко было местных детей. Огромная надпись «Спасибо партии родной за наше счастливое детство», красовавшаяся над входом в одну из сельских школ Фарабского района, воспринималась нами как издевательство. Когда видишь измождённых детей, черпающих пилалой и пьющих отравленную воду прямо из грязного ядовитого арыка, понимаешь всю глубину пропасти, разделяющей наши экологические культуры.

Единственным способом избежать хлопковой мобилизации для нас были экспедиционно-полевые работы, которые приходилось планировать на несколько месяцев подряд. На всё это время приходилось забывать о прелестях цивилизации — электрическом освещении, жилище, нормальном питании,

гигиене. Зато потом можно было писать методические пособия о воспитании грудных детей в условиях пустыни и амударьинских джунглей... Понятно, что опытным материалом были дети научных сотрудников заповедника, игравшие, как заводными машинками, ползающими вокруг жуками чернотелками и общавшиеся с шакалами как с домашними собачками. Справедливости ради следует сказать, что в поселковых детских садах детям жилось ненамного лучше. Здесь они подвергались риску быть укушенными эфой или скорпионом, которые заползали прямо в детскую спальную (такие "визиты" диких животных действительно были в нашем райцентре - п. Фараб, хотя дело до укуса не доходило). Тепловой удар для ребёнка, содержащегося летом в бетонной коробке фарабского детсада тоже весьма вероятен. Помнится, этой участи не миновала моя дочь. Не исключалось и отравление некачественно приготовленной пищей. Приходилось "настаивать" на корректировке меню. И всё же самое ужасное для ребёнка - это хлопковое поражение. Одна мысль о том, что ждёт наших детей по достижении ими школьного возраста приводила к стойкому убеждению о недолговечности нашей заповедной диаспоры.

Мы гордимся нашими заповедными достижениями!

В каждом из туркменских заповедников велись Летописи природы, где в какой-то мере находил своё отражение и социально-психологический фон, а через описание острых проблемных ситуаций косвенно фиксировалась история жизни участников событий. Но это жалкое подобие действительности не сравнится с истинным трагикомизмом пережитого. Кто-то скажет (и будет прав наверное), что эмоции не имеют значения, поскольку в

залось, что заповедное дело больше не продвигалось. Наши ашхабадские коллеги втянулись в изнурительную войну с министром и потерпели поражение. Мы сражались на местных фронтах. Мне было лестно знать, что я, по определению первого секретаря местного райкома партии, являюсь врагом № 1 всего Фарабского района. Близкий к областному начальству, но сочувствовавший нам товарищ, однажды даже напугал меня известием о возможном покушении. В это трудно поверить. Зато попытка завести на меня уголовное дело по подложному заявлению действительно имела место, хотя само дело рассыпалось до его открытия.

Нельзя сказать, что наша туркменская заповедная система утратила свойства самоподдержания. Заповедники не были изолированы друг от друга. Мы по-прежнему находили возможности для обмена опытом, общения с друзьями и просто коллегами из других заповедников. Даже создали неформальное туркменское отделение СоЭС, стали выпускать свой самопальный "Вестник". Но теперь нам уже казалось, что всё интересное происходит в России. Там провозглашалась демократия, гласность. Без этого мы просто задыхались в Туркмении.

Пусть кто-то скажет об измене, расколе, малодушии. Это не моя тема. Я верю в наше "туркменское" братство. С большим теплом вспоминаю Николая и Валю Сухомлиновых, Нелю Сайфуллину, Андрея Затоку, Света и Нину Забелиных, Серёжу Букреева и ещё многих других участников этого странного и вместе с тем поразительно дерзкого эксперимента.

А. САЛТЫКОВ,
Ульяновск